

А. К. Дживилегов

**Отечественная война и русское общество
1812 - 1912 гг.**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11

А. К. Дживилегов

Отечественная война и русское общество 1812 - 1912 гг.: Том 2 / А. К. Дживилегов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 326 с.

ISBN 978-5-458-24359-9

Отечественная война - один из самых драматических и самых значительных по последствиям моментов русской истории. В ней все захватывает и все заставляет работать научную мысль. В ней и в событиях, которые в ней развернулись, найдут неисчерпаемый кладезь и художник, и социолог, и политик, и дипломат. Ибо она заставляла разыгрываться страстям, высоким и низменным, она производила перемены в общественном строении общества, она положила начало определенному течению и во внутренней, и во внешней политике России.

ISBN 978-5-458-24359-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

которых хотел остаться один. Еще резче противоречили интересам России статьи договора относительно Турции. Правительство Александра I не скрывало своих грез и видений о разделе Оттоманской империи, и разговор с Наполеоном в Тильзите только укрепил государя в надежде на реализацию такого рода фантастических проектов. Конечно, беседы о Турции — для Наполеона только ловкий дипломатический шаг, усыпивший Александра I и давший возможность в трактате сказать не то, что говорилось в личной беседе с глаза на глаз. На деле помочь со стороны России Франции должна была свестись к предложению посредничества и только в случае неудачного исхода последнего, Франция обязывалась действовать заодно с Россией против Оттоманской империи. Так раздел отодвигался в очень далекое будущее, и в то же время неопределенность этой статьи и некоторая неясность, что получит Россия в случае совершившегося раздела, давали Наполеону моральное право держать в руках Александра I, убаюкивая его сладостными обещаниями. И необходимость присоединения к континентальной системе и восточный вопрос, столь неясно представленный в трактате, впоследствии стали источником недоразумения между Россией и Францией, — источником, отчасти поведшим к разрыву дипломатических сношений и к войне 1812 года.

Александр I только в одном отношении мог быть доволен Тильзитским миром и Кенигсбергской конвенцией. Ему удалось отстоять самостоятельность Пруссии и увеличить несколько размер владений, отданных обратно прусскому королю. В этом отношении Александр I не покинул своего союзника. С другой стороны, образование Варшавского герцогства с согласия обоих государей являлось гарantiей, что Польша не будет восстановлена, и что России нет нужды опасаться за ее польские области. Так, Тильзитский договор, имевший характер компромисса и недоговоренности, должен был стать точкой отправления, как для дипломатических переговоров между Россией и Францией, так и для направления всей русской международной политики, поскольку все ее нити находились в Париже, а не в Петербурге. Вот почему последний до тех пор хочет быть в хороших отношениях с Парижем, пока существовала надежда на возможность осуществления с помощью Франции разного рода политических мечтаний, даже при существовании экономической политики, идущей в разрез с реальными, материальными нуждами страны.

Свидание в Тильзите (Вольфа).

Тильзитский мир был встречен в обществе неприветливо. Правда, еще не успели сказаться его экономические последствия для крупно-поземельного дворянства и оптового купечества, но уже одно примирение с Наполеоном, казалось, ударом национальному самолюбию. По заключении мира, правительство опубликовало манифест, в котором говорилось о наступлении “благословенного мира” и изъявлялось благоволение народу и войску, о самом же характере мира почти ничего не было сказано, если не считать несколько лирических излияний относительно расширения и исправления границ. Русскому обществу Тильзитский мир казался национальным унижением и изменой союзникам. Не даром и русские политические деятели и прусские дипломаты находили поведение Александра “предательским”. Впрочем, не все думали так, иные более хладнокровно учитывали соотношение сил и находили, что “Россия делается ангелом-хранителем прусского короля, который в императоре находит себе спасителя и из его рук получает снова большую часть “своих владений, которые он сам не умел сберечь и защитить”. Уже один отказ разделить владения прусского короля исключал всякую мысль о каком бы то ни было предательстве со стороны Александра I.

Недовольство миром сказывалось во всех слоях общества, и торжественные молебствия и официальные речи духовенства не могли повернуть общественного мнения в другую сторону, более благоприятную для правительства.

Александр I, сейчас по возвращении домой, почувствовал перемену в отношении к нему столичной аристократии. В отношениях последней было много предупредительности, придворной вежливости, но зато отсутствовали доверие и чувства симпатии к государю. Холодом повеяло в столице на

сентиментальную душу монарха, в особенности, когда его товарищи-члены Неофициального Комитета открыто или тайно выражали свое неудовольствие по поводу Тильзитского мира. При первой же встрече с государем Новосильцев попросил об отставке, указывая, что новая политическая система противна его убеждениям, а Наполеону известны, говорил Новосильцев, “моя личная к нему вражда и моя приязнь к Англии — следственно, покамест я при вас, он не может полагаться на искренность ваших чувств, а потому, чтобы упрочить доверие нового вашего союзника, вам никак нельзя более держать меня при себе, — вы, напротив, должны меня прогнать, и прогнать гласно”. Желание Новосильцева было исполнено. Скоро такая же участь постигла и Кочубея. И другие лица в том или другом виде выражали свое неудовольствие условиями заключенного мира. Эта ненависть к Наполеону усилилась в связи с падением экспорта и вздорожанием цен вследствие падения ценности ассигнационного рубля. Впрочем, для помещиков, купцов и домовладельцев, как верно указал Вигель, понижение курса не имело особых вредных последствий, так как рост цен вознаграждал за потери на курсе ассигнационного рубля.

Итак, Тильзитский мир разбил англо-дворянскую партию, но, конечно, не уничтожил ее: слишком жизненно было ее существование. До поры, до времени она скрывала свое неудовольствие, но пользовалась каждым поводом для его выражения в той или другой форме.

Кажется, императрица-мать являлась лидером всей этой англо-дворянской партии. Не даром Елизавета Алексеевна, слишком осторожная в своих суждениях о людях, с не свойственной ей резкостью порицает поведение императрицы, которая вместо того, “чтобы поддерживать и защищать интересы своего сына... дошла до того, что стала походить на главу оппозиции; все недовольные, число которых очень велико, околачиваются вокруг нее, прославляют ее до небес... Не могу вам выразить, до какой степени это возмущает меня”. По словам шведского посланника Стединга, “неудовольствие против императора все увеличивается... и императору со всех сторон угрожает опасность. Друзья государя в отчаянии. Государь упрямится, но не знает настоящего положения дел. В обществе говорят открыто о перемене правления и необходимости передать престол по женской линии — взвести на трон вел. кн. Екатерину...” Словом, в представлении посланника все подданные отвернулись от государя. Сохранила свое расположение лишь армия, но и в ней царило большое недовольство, которое, конечно, приходилось учитывать в той или другой степени. Армия была недовольна действиями главнокомандующего Беннигсена и открыто заявляла о своем неудовольствии. Наконец предпочтение, отдаваемое Александром I иностранцам и большую частью не оправдываемое их личными достоинствами и талантами, только увеличивало недовольство армии. К тому же, многие из иностранцев даже не знали

русского языка и, конечно, не могли быть популярны среди солдат. И широкие круги дворянства тоже были недовольны Александром I.

Пусть падение ассигнаций нисколько не отразилось на материальном благосостоянии помещика; но ему зато грозила серьезная опасность лишиться части крестьян, отданных в милицию в 1805 — 1806 гг. Когда образовывалась милиция, правительство объявило, что, после окончания войны, все возвратятся домой. В действительности, после Тильзита правительство имело намерение оставить милиционеров в армии, при их частях, чем и лишало дворянство необходимых рабочих рук.

Ген. Савари. (совр. грав.).

Заключив мир с Наполеоном, правительству приходилось ликвидировать кое-что из своих распоряжений в связи с войнами 1806 — 1807 г.: повелено было не читать в церквях воззвание Синода, в котором Наполеон был назван “антихристом”, а затем пришлось принять ряд цензурных мер для поднятия престижа Наполеона; только ими и можно объяснить, почему в периодической печати преобладает столь восторженное отношение к Тильзитскому миру; рядом указов запрещалось употреблять слово “Бонапарт”, была сожжена “Тайная история французского нового двора”, запретили распространять вновь изданную книгу “Картина французской политики и короли Бонапартовой фабрики”. А те, кто хвалил Наполеона, удостаивались похвалы и поощрения. Конечно, по цензурным соображениям стало немыслимо появление журнальных статей, в той или другой степени критиковавших договор в Тильзите, так что по внешности все обстояло благополучно, и русская печать была за союз и договор. Правительство только не учло, какой ценой достигнуто это молчание или сочувственное отношение к трактату, столь резко расходившемуся с планами русского общества. Александр I, конечно, знал о настроении общества, но политическое положение дел требовало сохранения мира ценою чего бы ни было. И только письмо государя к вел. кн. Екатерине Павловне знакомит читателя с настроением государя и дает возможность уловить его будущие планы и мечты. “Бонапарт думает, что я дурак (Bonaparte pretend que je ne suis qu'un sot), но лучше смеется тот, кто смеется последний”. Эти слова являлись как бы ответом на распространенное мнение, что в Тильзите Наполеон обошел Александра.

Вполне понятно, что новая международная комбинация требовала и новых

людей, более или менее расположенных к франко-русскому союзу. Действительно, заядлого пруссака и ненавистника Наполеона барона Будберга сменил покладистый граф Николай Петрович Румянцев, в качестве руководителя Министерства Иностранных Дел. Друзей государя заменил Сперанский, открыто высказывавший свою симпатию французским учреждениям. Военным министром стал преданный государю Аракчеев. Так, опираясь на новых сотрудников, государь желал идти против течения и поддерживать союз, борясь с английской партией в лице высшей аристократии.

Наполеону и Александру теперь предстояла трудная задача — укрепить дружеские отношения между державами, а с другой стороны, разрешить стоявшие на очереди политические задачи, в частности, восточный вопрос, разрешение которого могло бы затянуться, если начнутся военные действия между Швецией и Россией.

Для укрепления дружбы, до назначения полномочного посланника, в Петербург был послан генерал Савари. Не имея никакого официального положения, он в то же время был снабжен большими полномочиями и в частной беседе с государем передавал ему весьма важные дипломатические новости. Посыпая Савари в Россию, Наполеон хотел, чтобы он поддерживал доверие Александра, а, с другой стороны, изучал бы настроение русского общества и боролся, если только представится какая-нибудь возможность, с настроением общественных кругов, враждебных франко-русскому союзу. “Старайтесь, — говорил Талейран Савари, — мало расспрашивая, многое узнать”. Савари был встречен Александром очень приветливо. Савари не сомневается в искренности этого приема как и в действительном расположении государя к Наполеону, о котором Александр всегда отзывался с почтением и любовью. Савари слишком много придавал значения этой светской ласковости. Видимо, его сразу увлекла та простота, та чарующая улыбка “прельстителя”, против которой никто не мог противостоять, но которая в то же время скрывала настоящие чувства государя, его действительное настроение. Зато иное отношение ожидало Савари со стороны императрицы-матери и русского дворянства. Чопорность и монотонность Гатчины резко дисгармонировала с простотой и непринужденностью молодого двора. Савари добился минутной ледяной аудиенции у Марии Феодоровны, по существу очень оскорбительной и для него самого и для императора французов. Ему дали понять, что с ним не желают иметь дела. Такой же прием встретил Савари и в высшем обществе, переселившемся в загородные дачи, где балы, спектакли, маскарады бывали чуть ли не ежедневно. Здесь светская жизнь была ключом, и понятно желание Савари — стать завсегдатаем этих аристократических салонов. Здесь лучше он может учесть настроение общества и довести об этом до сведения своего монарха. Но и тут Савари ждало глубокое разочарование. Перед ним не

открылись двери петербургских салонов. Ему почти никто не отдал визита, русская аристократия не имела ни малейшего желания поддерживать какое бы то ни было общение с иностранцем, к тому же детищем революции, принимавшем участие в убийстве герцога Энгиенского. Александру тяжело было такое отношение общества к Савари. Он устраивает у себя обеды, приглашает Савари и видных представителей аристократии, окружает Савари изысканной нежностью, которая все-таки не могла смягчить того горького чувства, которое оставалось в душе генерала после таких обедов, где с ним были только официально вежливы и где от него сторонились. Зато беседы с государем стали постоянными.

С глаза на глаз государь мог рассыпаться в любезностях по адресу Наполеона, стремясь тем самым смягчить неласковое отношение со стороны аристократии.

Правда, в конце концов, Савари стали принимать, но это было сделано по личному настоянию Александра.

Положение Савари оставалось по-прежнему тяжелым, но возможность доступа в салоны позволила ему лучше и ближе познакомиться с настроением общества. Савари был недурной наблюдатель, и некоторые черты в настроении общества подмечены им верно.

Савари указывает на отдаленность и враждебность общества к трону. Для него вне всякого сомнения существование английской партии, враждебной Наполеону и Александру. От него не скрылось то важное значение, которое играли русские женщины в салонах, и для поворота общественного мнения следовало бы сначала изменить чувства "красавиц" по отношению к Франции. Савари сближается с Нарышкиной, "предметом отдохновений" государя, и через нее дает государю советы, предостерегает его от окружавших лиц. Он говорит о готовящемся покушении на государя, дает советы почистить министерства и удалить недовольных. Александр оставался глух к советам Савари. Его не страшили слухи о возможности перемены династии. Все равно они не могут изменить его политики, его планов. "Если эти господа имеют намерение отправить меня на тот свет, — говорил Александр Савари, — то пусть торопятся; но только они напрасно воображают, что могут меня принудить к уступчивости или обесславить. Я буду толкать Россию к Франции,

Ген. Вильсон. (Госвей).

Наполеон в С. Клу (Рободи).

насколько я в состоянии это сделать. Не судите об общественном мнении по разговорам некоторых бездельников, в которых я больше не нуждаюсь, к тому же слишком трусливых, чтобы предпринять что-либо. Здесь недостает для этого ни ума, ни решимости. Хуже тому, кто идет непрямым путем”.

Дипломатические разведки Савари дали свои результаты — они сблизили оба двора и отчасти укрепили союз, несмотря на враждебное отношение к нему общества. Но такое впечатление было чисто внешнее. На самом деле, сам Александр I тяготился союзом, и сочувствие ему было вызвано только обстоятельствами. Настоящее отношение Александра к союзу больше всего сказалось в выборе посланника. По желанию Наполеона, ответственный пост был предложен кн. Куракину, но последний отказался и остался послом в Вене. Выбор государя пал на генерала Петра Александровича Толстого, убежденного противника франко-русского союза и совершенно неспособного к тонкой дипломатической игре. Толстому не хотелось ехать в Париж, но, уступая просьбам государя, он согласился, так как государю, по его словам, был “нужен не дипломат, а храбрый честный воин, а эти качества принадлежат вам”. Государь был прав, раз все нити русской международной политики находились в его руках. Толстому была дана соответствующая инструкция, выясняющая основной характер русской внешней политики. Главными ее принципами остаются “начало справедливости, бескорыстие и непреложная заботливость о сохранении союзников”. Затем, давая обзор отношений и условий, приведших к миру с Францией, государь писал: “Я

желаю поддерживать с неослабным вниманием связи, установившиеся теперь между обеими империями, даже стараться об упрочении их при каждом случае, где дело коснется наших взаимных выгод, и по возможности избегать всякого повода к неприятным пререканиям, которые могли бы нарушить доброе согласие, столь счастливым образом между нами восстановленное. Вот, по моему мнению, самые лучшие средства, чтобы обоюдно достигнуть цели и извлечь пользу из восстановления сношений России с Францией". Если по отношению к Франции рекомендовалось поддерживать дружеские отношения, то это было собственно выполнимо при условии выполнения двух требований России: эвакуации Пруссии французской армией и расширение русской границы до Дуная. Только при этом условии молодой союз мог окрепнуть. Толстой правильно понял и скрытые враждебные чувства Александра и свою роль защитника Пруссии, считая ее возрождение одним из условий ослабления влияния Наполеона в Европе, и с этой точки зрения относился к Наполеону и его правительству. Приходилось подумать и о замене Савари более подходящим для общества человеком. Выбор пал на Коленкура. Нельзя не признать выбор удачным. Принадлежа по рождению к старой аристократии, отличаясь безусловно изысканным внешним обращением, новый посол имел все данные для успеха в обществе. Большие средства, данные ему в его распоряжение Наполеоном, позволяли ему устраивать балы и праздники, поражая воображение роскошью и привлекая к нему сердца аристократии. Коленкур должен был общественное мнение направить в сторону Франции, хотя в возможности последнего сомневался Савари при условии существования континентальной системы, так как купечество и дворянство обязано Англии своим состоянием. К тому же Англия поставляет необходимые жизненные предметы, заменить которые Франция не в состоянии благодаря слабому в ней развитию промышленности. Вот почему Савари пессимистически смотрит на возможность поворота общественного мнения в сторону Франции. Пока Савари был в Петербурге, Россия предложила Англии свое посредничество, которое, конечно, было отклонено. И как бы предупреждая действия союзников, желавших силою принудить Данию приступить к континентальной системе, английское правительство отдало приказ своему флоту бомбардировать Копенгаген и захватить датский флот. Это была крупная неудача Наполеона, однако сумевшего в столь критический для него момент проявить необходимое хладнокровие и выдержку. В ответ на бомбардировку Копенгагена, Наполеон побуждает Россию исполнить условия мира и отзовать посла.

России пришлось уступить. 25 октября (6 н.) 1807 г. разрыв дипломатических сношений с Англией стал фактом. Тогда англичане около Лиссабона напали на русский флот под начальством Сенявина и принудили его к

очень почетной капитуляции. Морские пути Англия удержала в своих руках. Разрыв дипломатических сношений с Англией первоначально не отразился на положении английского посла в столице. Вильсон по-прежнему был принят государем и неоднократно обедал с ним. Его принимали с восторгом в салонах, где слушали его язвительные речи по адресу Наполеона и Савари. Александр как бы играл на два фронта; не желая нарушать союзного трактата, он в то же время преувеличенней нежностью хотел смягчить разрыв с Англией.

Такое заигрывание с Англией вскоре прекратилось, и не без настояния Румянцева, требовавшего устойчивого курса политики. Румянцев был сторонником восточной политики России. В этом отношении союз с Францией мог быть, по его мнению, очень благоприятен для России, стоило только использовать его в надлежащей мере. С помощью Франции восточный вопрос можно было решить, без участия Австрии, в пользу России. Такое направление внешней политики России и решило судьбу Вильсона, позволившего себе резкие выражения об императоре и его политике да к тому же раздавшего по гостиным брошюру “Размышления о Тильзитском мире”, написанную очень резко и, конечно, порицавшую Александра и его политику.

Высылка Вильсона доставила большое удовольствие Савари и Наполеону, но последнего вскоре ожидал несколько неожиданный сюрприз.

Александр основывал свои отношения к Наполеону не только на письменных условиях трактата, но и на тех разговорах, которые происходили наедине и которые гораздо больше сулили России, чем письменный трактат. Александр формально предложил Наполеону, чтобы Молдавия и Валахия, независимо от дальнейшей судьбы Османской империи, были присоединены к России. Это требование шло в разрез с статьями Тильзитского договора, но зато определенно указывало, в каком направлении пойдет политика Александра. И, действительно, вопрос о княжествах отныне стал центром дипломатических разговоров между Россией и Францией и источником возникших недоразумений, охлаждавших дружественные отношения держав.

Наполеоновская точка зрения на восточный вопрос была совсем другая. Он предполагал держаться статей Тильзитского договора, как более выгодных

**Арман-Луи де-Коленкур
(Жерара).**

для Франции. Он предложил свое посредничество, но результаты его окончились ничем. Александр отказался ратифицировать перемирие, не желал выводить войска из княжеств. Положение Наполеона было очень затруднительное: уступая России, он укрепляет сделанное в Тильзите; соглашаясь на раздел Турции, он идет в разрез с данными в Константинополе обещаниями, подрывает там свое влияние и усиливает значение своей соперницы Англии. Постепенно у него является план потребовать и для себя компенсации за присоединение княжеств. Таковой должна удовлетворить Пруссия, от которой отбирается Силезия. Наполеон прекрасно понимал, что на такого рода сделку Александр никогда не даст своего согласия, чем и будет сохранена неприкосновенность турецкой территории, так как тем самым отсрочивается вопрос о присоединении княжеств. Предположения Наполеона были сообщены Толстому, не замедлившему переслать их в Петербург. Новые требования Наполеона смущали Александра, прекрасно понявшего дипломатический шаг Наполеона. В беседе с Коленкуром Александром было высказано мнение, что “никогда не было и речи о предназначении Пруссии служить вознаграждением за турецкие дела”, давая тем самым понять, что написанный трактат, таковых статей не имел и что он идет в разрез с прусскими симпатиями Александра. Этим разговором вопрос о княжествах не был окончен. Государь неоднократно к нему возвращался. Наполеон, по обыкновению, уклонялся в сторону от положительного ответа и в ответ на конкретное предложение, и притом вполне осуществимое предложение России выдвигал заманчивые, но фантастические проекты раздела Турции, несомненно, убаюкивавшие своими сладостными результатами Александра I. Словом, из-за княжеств между союзниками наступило охлаждение, почувствовалось скрытое недоверие, которое только усиливала неудачная дипломатическая деятельность графа Толстого, видевшего в Тильзитской системе гибель России и отнюдь не желавшего смягчать напряженность создавшихся отношений между Россией и Францией.

Дом, где жил Коленкур, на Дворцовой набережной.